

- Сколько же Збруеву лет? Я, честно говоря, узнавала. А узнала - не поверила.

- Вообще для артиста возраст не предмет для разговора. Это не кокетство, просто такая конкретизация всегда мешает. А что выгляжу моложе своих лет - так я для этого ничего не делаю. Ну, зарядку каждый день. Но щадящую, не больше десяти минут. Скорее всего, это структура у меня такая, от мамы с папой. По энергетике своей я тоже далек от настоящего возраста. Но я совсем не Дориан Грей - это уж точно.

- И уже не мальчик в джинсах - герой ваших первых фильмов?

- За мной долго тянулся шлейф подобных ролей. С самой первой в кино - в замечательном фильме «Мой младший брат» по повести Васи Аксенова. Потом «Два билета на дневной сеанс». Потом меня стали узнавать... И вдруг случилась «Большая перемена» - роль Ганжи. И все тыкали пальцами: «Ой, Ганжа, Ганжа». Фильм-то на самом деле хороший, сейчас так ностальгически смотрится. Но мне хотелось серьезных ролей, а я для всех продолжал оставаться Ганжой. А что касается джинсов, то я их до сих пор люблю. Очень подтягивают человека и молодят.

- Вам есть для чего оставаться в форме - вы, судя по всему, нужны и новому кинематографу.

- Сейчас так получается, что многих наших артистов по театру знают больше, чем по кино. Это больше, чем популярность. Это признание. А сегодняшний кинематограф - он совсем другой. Мы очень сильны на черную, на водку. Не способны отказаться от нашей вечной серой краски. Даже молодые режиссеры все равно тащат за собой на экран подсознательную жизнь отцов и дедов. Их талант распирает, но они не знают, что делать, не знают как. Ну и актер вместе с ними тоже не знает.

- Сами режиссурой заниматься не хотели бы?

- Знаете, сейчас нет. Было время, мечтал. А потом пригляделся, поставил себя на место режиссера. И увидел, что он все семьдесят процентов времени тратит на то, чтобы организовать площадку, чтобы найти деньги...

- ...и знает при этом, что фильм в кино почти никто не увидит.

- Кино некоторое время жи-

Женщины и роли актера Збруева

Однажды он снялся в роли Сталина. Сейчас играет Николая Второго. Но уже много лет его коронное амплуа - герой-любовник. И уже взрослые дочери тех девушек, что сохли когда-то по веселому парню с экрана, так же влюблены, просят автограф и дарят цветы актеру Александру Збруеву.

ло словно в каком-то желе. Вот делались фильмы и делались, делались и делались. А могли бы и не делаться, понимаете? Сейчас наступило новое время. И я рад, что встретился с Дмитрием Астраханом, снялся в его фильмах «Ты у меня одна» и «Все будет хорошо». Если бы наш прокат был налажен так, как он был когда-то налажен, эти картины пришлось бы смотреть много людей. А сейчас... Я был на премьере «Все будет хорошо» в кинотеатре «Россия» - мне аж страшно стало. Наша съемочная группа, человек двадцать, вышла на сцену, перед нами зал тысячи на две или полторы мест, а зрителей в нем - сто пятьдесят от силы.

- Расскажите отсутствовавшим краткое содержание.

- Это фильм о человеке, который сумел очень быстро разбогатеть. Но не сидит на мешках со своими деньгами, а делает людям добро. Мне кажется, чем больше богатых в нашей стране будет, тем лучше. Потому что вокруг них создаются какие-то зоны, они начинают двигать наше искусство, наш кинематограф и все остальное.

- Вы вот ресторан свой открыли. Тоже теперь бизнесмен?

- Это не совсем мой ресторан. Там мое имя. Идея пришла просто - жизнь подсказала. Актеры много времени проводят в театре. Собираются, как правило, в буфете. Он у нас неплохой вроде бы, но с какими-то тараканчиками и мышками. Пища не всегда свежая. И вот сидим мы как-то с товарищем (он не имеет отношения к театру), смотрим - одежда на столах навалена, стулья сломаны. В общем, проходной двор. Товарищ мой и говорит: «Давай сделаем ресторан». Вложил деньги. И пожалуйста - «ТРАМ» существует. Это наш «Ленком» раньше так назывался, мы только расшифровывать стали по-другому: «Театральный ресторан актеров Москвы».

- Говорят, Янковский обиделся, что одно из блюд назвали его именем и разрешения не спросили.



- Напрасно возмущается. Было название «Барон Мюнхгаузен» - он что, полностью отождествляет себя со своим персонажем? Думаю, Шварценеггер не против, что в «Планете Голливуд» - его брюки и блюдо, названное в его честь. Наоборот, дополнительная реклама.

- А как, на ваш вкус, «толливудская» кухня?

- У меня было приглашение на открытие, но я не пошел. Не потому, что презираю, нет. Просто было ощущение, что приезжие звезды - хозяева, а наши - как официанты рядом с ними. Те пришли свободно, в куртках, а русские актеры во фраках с бабочками.

- Скажите, в театре у вас сейчас много работы?

- Играем премьеру в Манеже. По пьесе Радзинского - «Последняя ночь последнего царя». У меня роль Николая Второго. Трогательный получился спектакль. В родном «Ленкоме» репетирую в «Игроке» у Марка Захарова - надеюсь, зимой будет премьера.

- Вы, я слышала, мечтали сыграть Тригорина в «Чайке», а спектакль этот идет, увы, без вас.

- С «Чайкой» я всегда пролетал мимо. И у Эфроса, и у Захарова. Но сейчас это не такая уж и мечта. Перегорело. Я не жажду до ролей. Паузы тоже нужны. А то одна роль за другой, выстрел за выстрелом, а такое чувство, что все мимо цели.

- Давайте тоже возьмем паузу. Поговорим о детстве.

- Мы жили недалеко от Театра Вахтангова. Я родился, когда отца моего уже расстреляли. Он был инженером, работал над созданием телевидения. Занимал серьезный пост, уровня замнаркома. Маме дали возможность родить, а потом как жену врага народа сослали в исправительно-трудовые лагеря. В Москву мы вернулись, когда мне было лет пять-шесть. Наша большая квартира превратилась в коммунальную. Когда мама проходила по коридору этой квартиры, то в комнатах, где были открыты двери, видела наши вещи. Что не вывез НКВД, разворовали соседи. Но я многого тогда не понимал. Детство оно и есть детство.

- Общаетесь с кем-то из друзей того времени?

- Практически нет. У всех по-разному жизнь сложилась. У некоторых трагически. Я очень любил своих арбатских друзей. Мы ходили в «прохорях» - сапоги такие были, нас в округе побаивались. Я тогда даже по фене ботал. Но вот слова «предательство» для нас не существовало.

- Как же вы в люди выбились, актером стали?

- Театр я всегда знал хорошо. Моя мама была подругой жены Вахтангова. Мой брат работал в вахтанговском театре - я пересмотрел там все спектакли. И в Малом, и в Художественном. Наверное, это на меня повлияло, и я поступил в Щукинское училище.

- А свою первую любовь вы помните?

- Помню. И первую, и вторую. Я учился в четвертом классе, и меня по блату устроили в лесную школу - были тогда такие - на целый год. Я влюбился в девочку, она гимнастикой занималась. Делала стойку на руках, а физкультурник ее поддерживал. Я очень ревновал. В результате остался на второй год. Как-то потом, уже на дипломном спектакле за кулисы пришла девушка и говорит: «Здравствуй... те». Это была та самая гимнастка. На следующий день она фотографию принесла, где мы в лесной школе. Но она была уже совсем, совсем другая. Потом еще одна девочка мне очень нравилась. Циркачка с Арбата. Блондинка, небольшого росточка. Когда меня спрашивают: «Что для вас женщины?», - не знаю, что ответить. Понимаете, это все. Жизнь, кислород, кровь... Все, что мы делаем в этом мире, часто делаем для Нее.

- В «Красной розе» Соловьева вы с Людмилой Савельевой играете семейную пару. Сюжет был взят из жизни?

- Об этом никогда не говорю. Я - человек влюбчивый, живу непростой жизнью. А что касается съемок... Когда муж с женой встречаются на площадке, это вредит профессии. К партнеру должно быть свежее чувство, а не привычное, каждодневное.

Арина БОРОДИНА
Фото Геннадия Усоева